

На дорогах войны затерялось много разных судеб. Память о них давно покрылась пылью времени. Но вот история одной любви не уходит из моей памяти, и мне захотелось о ней рассказать.

Она — недавняя выпускница, молодая художница из Ленинграда, он — уже довольно известный московский художник. Они любили друг друга, но обстоятельства мешали им быть вместе. У неё была тяжелобольная мать, которая в редкие периоды облегчения категорически отказывалась переехать в Москву. Он же был связан с Москвой квартирой, где он родился, где умерли один за другим его родители, любимой работой и многим другим, что неосознанно порой привязывает наши души, и никакая сила не способна эту нить разорвать.

Однажды холодным туманным весенним утром, больше похожим на осень, они шли, обнявшись, по набережной. Дул пронизывающий сырой ветер.

Она мечтательно взглянула на него и спросила:

— Алёша, о чём ты задумался?

И вдруг услышала неожиданный ответ:

— Больше всего я сейчас мечтаю о тёплом шарфе и перчатках.

Она резко вырвала у него руку и, не оборачиваясь, стремительно умчалась в темноту.

Он вернулся в гостиницу. На завтра ему нужно было ехать обратно в Москву. Сколько он ни звонил, телефон у

неё молчал. Скорее всего, она его отключила. Утром он уехал с обидой в сердце — она даже не пришла его проводить.

А через несколько дней началась война. Алексей ушёл на фронт.

Много раз он писал Марии в Ленинград, но ни разу не получил ответа. И когда после двух ранений он вернулся в Москву, дома тоже не оказалось ни одного письма.

Радовались наступившему миру, ликовали люди, а у него всё больше саднило сердце, чувствовал, что не может больше жить без Марии, и при первой же возможности выехал в Ленинград. Однако здесь его постигло глубокое разочарование: о Марии и её матери не было известно ничего, кроме того, что ещё до блокады они эвакуировались, но куда, никто не знал. Где искать её следы?

Вернувшись с тяжёлым сердцем, он с головой ушёл в работу.

Прошло четыре года. Несколько его работ были отобраны на международную выставку в Лондон.

Однажды к одному из художников, члену делегации, сопровождающей выставку, Сергею Щербакову, подошла элегантно одетая красивая дама и обратилась на чисто русском языке:

— Скажите, пожалуйста, Алексей Волков, работы которого я здесь вижу, тоже в составе делегации?

— Нет,— ответил он.— Но я его друг. Что хотели бы вы узнать о нём?

Она спросила, как он живёт, есть ли у него семья и может ли она рассчитывать на встречу с его другом у себя на вилле.

Сергей растерялся. У членов делегации были строгие инструкции, в числе которых был запрет на все посещения частного характера, и, естественно, за ними был строгий надзор. Стараясь быть предельно вежливым, смущаясь, он пытался как-то объяснить свой отказ, однако она всё отлично поняла сама и предложила ему встретиться на следующий вечер в кафе.

— Удивлены, наверное, что я, русская, имею здесь виллу, машину и по возрасту не отношусь к эмигрантам? Да ещё интересуюсь Алёшей? Я расскажу вам всё. Когда началась

война, я попыталась вывезти маму из Ленинграда, но наш состав попал в окружение. Так мы оказались с мамой в концлагере. Весь ужас фашистских лагерей не буду описывать, всё это вам известно, а времени у нас, вернее, у вас, немного. Скажу только, что спасти маму от голодной смерти мне удалось, благодаря своей профессии: самодовольные, самовлюблённые фрицы заказывали свои портреты. Освобождали нас англичане. Так мы попали в Лондон. Я сумела найти каморку в полуподвале, где мы стали жить. Я выставила прямо па улице свою живопись. Однажды около моего окошка остановилась шикарная машина, и оттуда вышла необыкновенно красивая молодая женщина, которая выбрала несколько пейзажей, щедро мне заплатила и уехала. А через три дня она приехала снова. На этот раз вручила мне большую сумму денег, велела купить одежду. А назавтра незнакомка повезла меня к королеве Елизавете: оказалось, что она — её фрейлина. Когда королева увидела мою работу, то заказала мне расписывать её зимний сад. Так началась моя сказочная жизнь. Всё было прекрасно, но любовь, которая жила во мне все эти годы, не давала мне покоя. Алёша Волков. Я его очень обидела, мы расстались. Потом была война, и я до сих пор не знала о нём ничего. Очень вас прошу передать ему небольшой пакет. Вспомнит ли он меня?..

...Алексей вскрыл пакет — там лежали тёплый шарф и перчатки, а также письмо, полное любви и нежности.

Вот тогда-то и началась драма. Куда бы Алексей ни обращался, вплоть до правительства, ему категорически отказывали в поездке в Лондон. Также был запрещён и приезд Марии в Россию. Алексей стал пить. Ему пытались помочь друзья; особенно старался для него неизвестный художник Май Митурич. Но всё было бесполезно: наши органы не только запретили выезд, но и вообще всякую переписку с любимой женщиной.

Однажды Алексей не выдержал и во время очередного запоя свёл счёты с жизнью.